

СУМАРОКОВ — ИСТОРИК

Сумароков не был профессиональным историком. Однако все его творчество несет на себе отпечаток постоянного обостренного интереса к истории. Сумароков обращался к ней и в трагедиях, и в одах, и в задуманной им, но неосуществленной эпопее «Димитриада» (1769), в похвальных прозаических панегириках и даже в притчах. Его публицистические эссе и критические статьи, многочисленные лексикологические заметки и наброски, его письма пестрят историческими экскурсами и размышлениями об опыте прошлых времен. В то же время в его обширном творческом наследии выделяется целый пласт сочинений, непосредственно связанных с изучением истории как таковым. Их около десятка.

«Краткая Московская летопись», очерк «О первоначалии и созидании Москвы», два сочинения, посвященных стрельцким бунтам: «Первый и главный стрельцкий бунт» и «Второй стрельцкий бунт» (работа над последним осталась незаконченной); «Сокращенная повесть о Стеньке Разине», статья «О происхождении российского народа»; задуманная, но не осуществленная «Краткая история Петра Великого» (найденный в рукописях фрагмент ограничивается «Приступлением...» к самой «Истории...»), эссе «Российский Вифлеем» и, наконец, коротенькая заметка «О происхождении слова Царь» — таков, по-видимому, неполный перечень трудов Сумарокова, касающихся его изучения истории. Написанные в разное время, они по-своему отражают еще одну грань творчества Сумарокова, непосредственно не связанную с его художественными замыслами и в то же время раскрывающую личность драматурга в новом для нас свете.

Тема данной статьи — исторические занятия Сумарокова, рассмотрение тех его сочинений, в которых он предстает не как художник, а как исследователь событий прошлого, как интерпретатор источников на уровне задач, относящихся к прерогативам исторической науки.

Последнее обстоятельство, возможно, может служить объяснением того факта, что эта часть наследия Сумарокова в сущности оказалась обойдена вниманием литературоведов. Существует лишь одно исследование, посвященное данной стороне его творчества, — небольшая статья М. А. Салминой «Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова»¹ Работа носит в основном источниковедческий характер и посвящена только одному сочинению Сумарокова, очерку «О первоначалии и созидании Москвы». Ниже

¹ ТОДРЛ Л, 1958 Т XV С 378—383

мы остановимся на ней подробнее. Больше исследований, посвященных попыткам Сумарокова взять на себя роль историографа, нет. Литературоведы, по-видимому, не решаются вступить в область знаний, находящуюся за пределами их компетенции. Историки, в свою очередь, отказываются всерьез воспринимать труды писателя, чье имя в исторической науке ничего им не говорит, поскольку в данном случае речь может идти только о дилетантских опытах.

Между тем обозначенный круг сочинений Сумарокова представляет несомненный интерес как для углубления наших представлений о нем как художнике, так и для понимания некоторых аспектов становления в XVIII в. отечественной историографии в целом.

Попытки выступать в роли историка обнаруживаются у Сумарокова с того момента, когда он, достигнув творческой зрелости, весьма активно подключается к участию в журналах и к другим просветительским начинаниям тех лет. Его устремленность к истории соответствовала общей атмосфере культурной жизни 1750—1760-х гг. О пробуждении исторической мысли в России в середине XVIII столетия свидетельствует прежде всего многолетняя работа В. Н. Татищева по изучению русских летописей, результатом которой явилось создание труда «История российская» (начала издаваться в 1768 г.).

После смерти Татищева наблюдается резкий всплеск историографической активности. В то время как в России над переводами исторических сочинений Ш. Роллена и Ж.-Б. Кревье в течение нескольких лет трудится неутомимый В. К. Тредиаковский, во Франции по поручению российского правительства над историей России времени царствования Петра I работает Вольтер. Материалы для него готовятся в Петербургской академии наук. Начиная с середины 1760-х гг. в России выходят из печати один за другим переводы капитальных трудов европейских авторов по истории Древнего Рима, Польши, Дании, Англии. Тогда же издаются исторические труды умершего к этому времени Ломоносова: «Древняя Российская история» (СПб., 1766) и 2-е издание «Краткого российского летописца с родословием» (СПб., 1767; 1-е издание вышло в 1760 г.). Выходит «Опыт Казанской истории...» П. И. Рычкова (СПб., 1767); начинает выпускать тома задуманной им «Российской истории жизни всех древних от самого начала России государей...» Ф. А. Эмин (1-й том вышел в 1767 г., 3-й том — в 1769 г.; труд остался незавершенным).

В то же время в 1740—1760-х гг. в стенах Петербургской академии наук трудится целая плеяда историков-иностранцев, в основном немцев, целенаправленно и методично изучающих историю России. Труды Г.-Ф. Миллера, Ф. Г. Штрубе де Пирмона, Г. З. Байера, приехавшего несколько позднее А. Л. Шлецера обозначили целый этап в исследовании российского про-

шлого, выдвинув ряд проблем, ставших ключевыми в процессе становления молодой русской историографии (в частности, «варяжский вопрос», поднятый Байером; проблема роли Новгорода в становлении русской государственности, поставленная Миллером; вопрос о Несторе как зачинателе традиции русского летописания, легший в основу источниковедческой концепции Шлецера и др.). Огромную роль в пробуждении интереса к отечественному прошлому и в активизации исторических разысканий сыграли многочисленные публикации статей Миллера в академическом журнале «Ежемесячные сочинения». Начиная с 1755 г. он регулярно помещает там материалы, посвященные русской истории. Не без участия Миллера на исходе 1760-х гг. предпринимается целая серия публикаций памятников древнего периода истории Московской Руси, в частности «Судебника Ивана Грозного». Миллер издал его с примечаниями Татищева в 1768 г. в Москве. Одновременно в Петербурге издание «Судебника» осуществил С. Башилов под руководством Шлецера. И в эти же годы выходят первые тома «Русской летописи» по Никоновскому списку под эгидой Петербургской академии наук.

Миллер, по-видимому, сыграл свою роль и в пробуждении у Сумарокова интереса к исторической науке в чистом виде. По крайней мере первым свидетельством обращения драматурга к сугубо научным историческим разысканиям следует считать появившуюся на страницах ноябрьского номера «Ежемесячных сочинений» за 1757 год публикацию под названием «Надписи, означающие лета преставления Высочайших персон Фамилии Царской в Московском Архангельском соборе опочивающих. Сообщено господином Бригадиром Сумароковым».² Задача Сумарокова ограничивалась в данном случае чисто механическим копированием имевшихся на надгробных плитах надписей, содержавших сведения о сроках смерти членов великокняжеского и царского дома периода истории Московской Руси. Попутно Сумароков дополнил эти сведения перечислением всех имевшихся на столбах и стенах храма изображений великих князей с момента принятия Русью христианства.

То, что Сумароков, по-видимому, не без совета Миллера начал свои историографические опыты с подобных разысканий, весьма симптоматично. Проблема родословных взаимоотношений членов царствующей династии для исторической науки XVIII в. представлялась едва ли не самой животрепещущей. Еще в 1746 г. Миллеру пришлось апробировать сочинение П. Н. Крекшина «Родословие великих князей, царей и императоров», где доказывалось прямое происхождение династии Романовых от Рюриковичей. Отзыв Миллера был резко критическим. Для разрешения спора была создана комиссия,

² Ежемесячные сочинения 1757. Т VI С 387—404

куда наряду с Третьяковским был включен Ломоносов. Не случайно поэтому Миллер в первом же январском номере «Ежемесячных сочинений» за 1755 год помещает подготовленный им для печати фрагмент из «Истории Российской» Татищева под названием «Краткая роспись Великим князьям все-российским от Рюрика до нашествия татар с показанием родословия».³ В этом же русле следует рассматривать и «Краткой российской летописец с родословием» Ломоносова, опубликованный в 1760 г. Кстати, и сам Сумароков позднее предпримет попытку воссоздания родословного списка всех Московских великих князей и царей — от князя Даниила Александровича, стоявшего у истоков возвышения Москвы, и до царя Федора Алексеевича — в своем историческом сочинении «Краткая Московская летопись» (СПб., 1774), сопроводив перечень «Таблицей о супругах Московских государей».

Уже первая публикация Сумарокова, пока еще носившая подсобный источниковедческий характер, обнаруживает вполне определенное направление его историографических интересов. Подавляющее большинство материалов, касающихся исторических разысканий Сумарокова, посвящено тому хронологическому периоду отечественной истории, который связан со временем Московской Руси, и соответственно преимущественно обращено к событиям XVI—XVII вв. О причинах такого положения мы скажем ниже. Пока же отметим, что самые первые шаги Сумарокова на историографическом поприще проходят под воздействием традиции школы Миллера. Позднее, как мы увидим, положение несколько изменится и Сумароков логикой обстоятельств будет приведен к тому уровню осознания смысла изучения истории, которое сформировалось в отечественной историографии XVIII в., имевшей определенные отличия от сложившейся ранее европейской историографической традиции.

В свое время В. О. Ключевский в «Лекциях по русской историографии» тонко подметил качественную разницу в понимании задач исторической науки, какая существовала в XVIII в. между русскими историками и трудившимися в России историками-иностранцами. Труды отечественных ученых были отмечены осознанной идеологической направленностью, известным прагматизмом осмысления исторических фактов. Наоборот, иностранные академики сосредоточивали свое внимание на критике источников, на анализе сравнительной ценности их содержания.⁴ Такое положение было вполне естественно, поскольку для русских исследователей занятия собственной историей не только отвечали их духовным потребностям, но и служили созданию некоей целостной концеп-

³ Там же 1755 Т I С 1—16

⁴ Ключевский В О Сочинения В 9 т М, 1989 Т VII С 221—222

ции развития российской государственности Историческая наука в России XVIII в в лице того же Татищева, уже осознав необходимость критики источников, еще не выработала всеобъемлющих приемов палеографической выверки фактов Только на исходе столетия указанный разрыв устраняется в трудах И Н Болтина, в его известных «Критических примечаниях» на сочинение французского историка Н-Г Леклерка «История древней и новой России»

«История становится наукой с того момента, когда рационалистическая теория исторического процесса соединяется с историческим источником Такое соединение и составило заслугу В Н Татищева»⁵ Деятельность его на этом пути продолжил Ломоносов Отношение Сумарокова к исторической науке было, как мы увидим, любительским Решающим фактором в пробуждении его интереса к истории как науке было, вероятно, общение с Миллером Сумароков неоднократно прибегал к его помощи в деле расширения своих знаний в области истории Свидетельства этому мы обнаруживаем в письмах Сумарокова к Миллеру, особенно с момента назначения последнего директором Московского архива иностранных дел в 1765 г Во время своего приезда в Москву в 1767 г по делам наследства Сумароков просит историографа предоставить ему для ознакомления документы начала XVII в — «ряду» времен «смуты» В этот период он обдумывал замысел трагедии «Дмитрий Самозванец» Позднее, уже после переезда в Москву в 1769 г, Сумароков буквально засыпает Миллера просьбами о присылке ему «журналов» (разрядных книг дворцового приказа), проявляя особый интерес ко времени установления династии Романовых

Из этой переписки мы узнаем немало сведений, проливающих свет на исторические занятия Сумарокова Из записки Миллера, например, сообщающего о посылке Сумарокову польской Библии, с уверенностью можно судить о том, что тот владел польским языком, так подтверждается факт активного использования им польских исторических источников (в частности, «Синописа» Страницкого) при обращении к древнему периоду русской истории Переписка подтверждает научное сотрудничество Сумарокова с князем М М Щербатовым, также принимавшим участие в снабжении драматурга необходимыми ему сведениями в области изучения российских древностей Порой в письмах к Миллеру среди различных просьб Сумароков высказывает идеи, раскрывающие его собственные представления о задачах и методологических принципах исторической науки, о чем мы еще скажем ниже

---

⁵ Алпатов М А Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII—первая половина XIX в) М 1985 С 36

Таковы в самых общих чертах внешние факторы, способствовавшие обращению Сумарокова к чисто научным разысканиям в области истории.

Первое свое историческое сочинение Сумароков печатает в собственном журнале «Трудолюбивая пчела» (1759). Это была статья «О первоначалии и созидании Москвы». Как показала М. А. Салмина в вышеуказанной работе, очерк Сумарокова являлся контаминацией двух рукописных повестей: «хронологической» повести посещения Москвы князем Георгием, «проименованным Долгоруким», с последующей историей убийства Андрея Боголюбского и «сказки» о построении Москвы князем Даниилом Александровичем, основавшим одновременно город Алексин с заложением там церкви, что послужило началом Сарской и Крутицкой митрополии. Заключительную часть сумароковской повести составило сообщение сведений о постепенной застройке Москвы великими князьями, начиная с Ивана Грозного получившими титул царей. Источниками этой части повести, как замечает исследовательница, могли служить «выписки из материалов летописного характера (...)» Вполне возможно, что при написании „Истории“ Сумароков использовал уже готовую подборку материалов, касающихся Москвы, может быть, в какой-то степени подобную той, которая известна по рукописи ГИМ (собр. Музея, № 1582) второй половины XIX в. В этой рукописи собраны различные материалы, относящиеся к Москве. Среди известий „о начале Москвы“ в ней находятся и обе древнерусские повести — „хронографическая“ и „сказка“, имеются в ней также и сведения о постройках в Москве».⁶

Как показала М. А. Салмина, в ходе написания очерка Сумароков весьма свободно обходился с фактами, сообщаемыми в источниках. Он вычленил нужные ему фрагменты, заполняя пропуски известиями, почерпнутыми из других источников, иногда просто изменяя сообщаемые в древнерусских текстах факты. Так, например, мстителем за убийство Андрея Боголюбского выступает в очерке не Михаил (как сообщается в «хронологической» повести), а другой брат владимирского князя, Всеволод. Немало отступлений от сведений, зафиксированных в летописях, отмечает М. А. Салмина и в тех сообщениях, которые дает Сумароков относительно времени и обстоятельств постройки в Москве церквей и зданий Кремля. Особо, конечно, стоит вопрос о языке произведения Сумарокова. Он, в сущности, просто пересказывает древнерусские источники литературным языком XVIII в.

В целом сочинение Сумарокова представляло собой связанное повествование, пронизанное единой концепцией, призванной отразить постепенный и неуклонный рост значения Москвы как центра российской государственности. В характере

⁶ ТОДРЛ. Т. XV С. 381.

рассказа проскальзывают элементы критического подхода к источникам. Но определяющим для его содержания остается все-таки публицистичность.

Не менее важным следует считать помещение в первом же номере журнала двух материалов, посвященных непосредственно проблемам изучения истории. Это прежде всего статья Н. Н. Мотониса «Рассуждение о двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности и несусеверном богопочитании». Центральная идея статьи состояла в доказательстве необходимости для историка руководствоваться в своем труде правилами нравственности: «всякий благоразумный и добродетельный читатель никогда не простит сочинителю истории пороков, которые от злобного сердца и испорченного нрава свое начало имеют». ⁷ Погрешности, проистекающие из незнания фактов в области географии, хронологии, баснословия (т. е. мифологии), политики, не столь страшны, как преднамеренное искажение истины, продиктованное злобой или личной корыстью пишущего исторические труды. Ни «сусевер», ни «безбожник», ни «суетный вольнодумец» не могут, по мнению Мотониса, быть объективными историками.

Особо останавливается автор на проблеме различий между задачами историка и поэта или ратора. «Весьма погрешает тот, кто не рассуждает, что иныя стихотворец и слова похвального писатель должен иметь правила, а иныя сочинителю истории наблюдать прилично (...) Никто не будет оуждать сочинителя слова похвального в том, что он Героя своего всеми добродетелями, всеми дарованиями украшает, не упоминая его погрешностей. Напротив того, ежели историк, подражая сочинителю слова похвального, подобное употребит ласкательство или, последуя стихотворцу, станет рассказывать превращения, не будет ли сочинение его баснею, без стоп и без рифм составленною». ⁸

Весь тон статьи и отдельные ее положения заставляют предположить наличие в ней скрытого полемического подтекста, что вполне соответствовало натуре издателя журнала. Целый ряд материалов, помещенных в нем, имел полемическую направленность против Ломоносова, на что уже обратил в свое время внимание П. Н. Берков. ⁹ Но следует заметить, что к моменту начала издания «Трудолюбивой пчелы» главные исторические труды Ломоносова еще не были опубликованы. Кроме того вряд ли неместные наименования «безбожником», «сусевером» и «вольнодумцем» были к нему применимы. Но зато к этому времени достаточно отчетливо прояснились исто-

⁷ Трудолюбивая пчела СПб, 1759 Ч 1 С 35

⁸ Там же С 40—41

⁹ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века М., Л., 1952 С 121, 124

рические пристрастия другого противника Сумарокова, а именно Третьяковского. С конца 1740-х гг. тот работал над переводом трудов Ш. Роллена, посвященных древней и римской истории. Попутно Третьяковский помещает в «Ежемесячных сочинениях» статью «Об истине сражения у Горацийев с Куриациями, бывшего в первые Римские времена в Италии». Статья представляла собой вольное изложение предисловия из «Римской истории» двух историков-иезуитов, Кеструя и Рульема. Пересказывая его, Третьяковский вводил русского читателя в круг проблем европейской исторической критики античных источников. Центральной проблемой статьи была проблема достоверности сведений об исторических источниках, сообщаемых «пиитами». Излагая аргументацию иезуитских историков, отвергавших возможность недобросовестности римских поэтов, сохранивших известия о поединке между Горациями и Куриациями (подобными известиями и пользовался Тит Ливий при написании своей истории), Третьяковский ссылается на примеры из русской истории: «Кто, например, отважится у нас написать стихами, что хан Мамай не шел на Россию? Что князь Димитрий Иванович (прозванный Донским) не победил его? Что Сергей Радонежский не давал ему двух черноризных богатырей Пересвета и Ослеба? (...) Всем тогда и ныне ведомо сие не разгласно истинное бытие; и не токмо Россиянам, но и чужестранным соседним народам».¹⁰

В свете вынашиваемого Сумароковым замысла «Димитриады» подобный пассаж не мог остаться незамеченным. И последовательно проводившаяся в статье Мотониса мысль о принципиальном различии задач поэта и историка в сущности опровергала положения статьи Третьяковского, не говоря уже о скрытых намеках на его личность в выражениях «суевер», «безбожник» и «суетный вольнодумец» (вспомним начало памфлетного стихотворения Ломоносова «Зубницкому», направленного против Третьяковского: «Безбожник и ханжа, подметных писем враль!»).

Вопросы изучения истории в их теоретическом освещении затрагивались и в статье «О пользе мифологии», автор которой Г. В. Козицкий также находился в дружеских отношениях с Сумароковым. Этой статьей, кстати, открывался первый номер «Трудолюбивой пчелы». Говоря о соотношении мифологии и истории, Козицкий высказывает ряд принципиальных соображений, помогающих лучше представлять тот уровень понимания места истории в системе знаний, который соответствовал представлениям о ней Сумарокова. «История представляет нам начала, укрепление и распространение государств, подает основательные правила и показывает в самом деле сбывшиеся примеры ко управлению целых народов, описывает прехвальные и вечной славы достойные дела мужей

¹⁰ Ежемесячные сочинения 1755 Т I С 211

знаменитых, определяет точное время, когда, каким образом и кем населены ужасные пустыни и непроходимые дубравы, когда пагубными неприятельскими войнами (...) разрушились царства. Сия толь нужная, полезная и приятная наука не может достигнуть к совершенству без Мифологии. (...) История, приближаясь к своим началам, теряется, наконец, в Мифологии. Где сыщем мы о древнейших народах известия; откуда узнаем их происхождение, правление и случившиеся в нем перемены; кто объявит нам имена, родословие, добрые и худые поступки их владельцев (...) Мифология нас из сего недоумения вывести, и в толикой тьме некоторой свет подать может».¹¹

Подобные взгляды на связь мифологии с историей были свойственны научному мышлению XVIII в. И сам Сумароков демонстрирует актуальность идей, выдвигаемых Козицким, помещая на страницах «Трудолюбивой пчелы» коротенькое эссе «Российский Вифлеем». Эссе посвящено основанию подмосковного города Коломна и вписывается в возникшую еще в XVI в. легенду о мифическом родстве правившей в Московской Руси великокняжеской династии с потомками римских кесарей. Эта версия содержалась в «Книге Степенной Царского родословия» митрополитов Киприана и Макария (в XVIII в. ее издал Г.-Ф. Миллер); версия перешла в труд историка петровского времени А. И. Манкиева «Ядро российской истории», где утверждалось, что Рюрик, Синаус и Трувор, имевшие владения свои «по берегу моря Балтийского», происходили от поколения Пруса, двоюродного брата кесаря Августа.¹²

Сумароков, используя попавший в его руки какой-то источник сходного рода, связывает миф с основанием села Коломенского. Рассказ о потомке знатнейшего римского рода Колонна, некоем бежавшем из Рима от своих неприятелей Карле Колонне, важен для него как еще один повод прославить Петра I, место рождения которого, село Коломенское, оказывается таким образом освящено славой древнего Рима. «Сей Карл на Москве реке построил замок и иарек его по имени своего рода Колонною. Замок сей есть нынешний город Коломна. Он ли или потомки ево построили село Коломенское, мне не известно, но то мне известно, что в сем селе родился Великий Петр...»¹³ И данный факт дает основание Сумарокову уподобить Коломенское Вифлеему, месту, связанному с рождением Христа Спасителя. Так мифология причудливо сочетается в сознании Сумарокова с историей, выполняя роль не столько источника научного знания, сколько средства утверждения определенной идеологической программы.

¹¹ Трудолюбивая пчела 1759 Ч 1 С 14—16

¹² Манкиев А. И. Ядро российской истории М., 1770 С 22

¹³ Трудолюбивая пчела 1759 Ч 1 С 241 Согласно версии, принятой современной исторической наукой, Петр I родился в московском Кремле

Собственных теоретических трудов, которые бы раскрывали его принципы изучения истории, Сумароков не оставил, но о его взглядах на эту проблему мы можем составить представление, во-первых, на основании его трудов в данной области и, во-вторых, по тем высказываниям, которые встречаются в его статьях, письмах и даже в некоторых стихотворных произведениях. Уже на основании знакомства с рассмотренным выше первым историческим сочинением Сумарокова можно сделать вывод о его весьма вольном обращении с источниками. Будучи сам писателем, он, по-видимому, памятники прошлого воспринимал так же, как произведения литературы. И свою задачу как историка он видит в приближении событий прошлого к современности, в пересказе источников литературным языком и даже в их корректировке. В записке к Миллеру от 12 апреля 1769 г., прося историографа прислать ему для ознакомления очередную партию рукописных разрядных книг, Сумароков с полной серьезностью замечает: «Говорят, будто эти журналы напечатаны или печатаются; верно ли это? (...) Мне кажется, что такие журналы должны быть совсем по-новому подготовлены, если им предстоит увидеть свет; ведь в рукописях много бесполезного, очень часты однообразные записи и утомительные повторения».¹⁴ Иными словами, Сумароков готов освобождать рукописи при их публикации от «утомительных повторений».

Сумароков, таким образом, остается сторонником живописания истории, отдавая предпочтение сочинениям писателей перед голый информацией газетных реляций, о чем можно судить из его письма к Екатерине II от 23 сентября 1770 г.: «Дела Великия Екатерины требуют чувствительного изъяснения».¹⁵ Как видим, с годами Сумароков отходит от той позиции, какую в вопросах поэтизации истории занимал Н. Мотонис. Впрочем, уже в период издания «Трудолюбивой пчелы» Сумароков высказывает необычайно меткие соображения, касающиеся методологических проблем историографии в статье, казалось бы непосредственно с изучением истории прямо не связанной: «О коренных словах русского языка». Сумароков ставит язык по его значению для исторической науки в один ряд с памятниками материальной культуры, и даже отдает ему преимущество.¹⁶

Следующий этап историографической активности Сумарокова приходится на конец 1760-х гг., когда он обращается к теме стрелецких бунтов и одновременно приступает к работе над трагедией «Димитрий Самозванец». По-видимому, изучение социальных потрясений конца XVII в. должно было вы-

---

¹⁴ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 120 (Перевод с немецкого)

¹⁵ Там же. С. 143.

¹⁶ Трудолюбивая пчела СПб., 1759 С 92

литься в подготовку целой серии исследований на эту тему. В этом убеждает тот факт, что помимо опубликованного Сумароковым сочинения «Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году» (СПб., 1768) сохранилось начало его следующего труда — «Второй стрелецкий бунт». Рукопись осталась незавершенной и в таком виде была опубликована Н. И. Новиковым уже после смерти Сумарокова в его «Полном собрании всех сочинений...» (М., 1781. Ч. VI. С. 221—230).

Тема стрелецких бунтов находилась в поле зрения Сумарокова уже в 1750-е гг., о чем можно судить из содержания его «Оды на государя Императора Петра Великого», опубликованной в журнале «Ежемесячные сочинения» (1755. Т. I. С. 219—222). Значительное внимание этому событию уделил Ломоносов в Песни I своей незавершенной героической поэмы «Петр Великий» (1761). Кстати, уже он нашел необходимым подчеркнуть особые сложности, неизбежно возникавшие при обращении к данной теме, поскольку в событиях, связанных с выступлениями стрельцов, были замешаны многие знатные боярские и дворянские роды, чьи представители в этот критический период борьбы за власть и последовавшей за нею кровавой смуты подчас проявили себя не с лучшей стороны. Этот момент надо особенно иметь в виду, поскольку, как нам представляется, одной из причин, объясняющих обращение Сумарокова к теме стрелецких бунтов, было то, что в исторических известиях о событиях, предшествовавших мятежам, на каком-то этапе фигурировал представитель рода Сумароковых в контексте, явно уязвлявшем чувство семейной гордости, о чем еще ниже пойдет речь. Были и другие факторы, определившие актуальность для Сумарокова данной темы.

Выше я уже заметил о вспышке историографической активности, приходившейся в России на конец 1760-х гг. Летом 1767 г. литературный противник Сумарокова, романист Ф. А. Эмин, закончил перевод на русский язык известного в Европе труда Вольтера «История Российской империи при Петре Великом» («Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand», 1759) и представил его к изданию в типографию Петербургской академии наук. Причины, по которым перевод труда Вольтера, так долго ожидавшийся в России, так и не был в XVIII в. опубликован, остаются до конца не проясненными. Известно лишь, что уже в сентябре того же года Эмин пишет в Комиссию Академии наук доношение, где сообщает о начале работы над «Российской историей», первый том которой, посвященный древнейшему периоду отечественного прошлого, был к этому времени уже готов.

Сумарокову было, конечно же, известно о подготовленном Эминым переводе. Известно, по-видимому, ему было и то, что материалы для вольтеровского труда готовил в Петербургской академии наук Ломоносов. Кстати, в «Примечаниях» на руко-

пись «Истории...» Вольтера, посланных в 1757 г. во Францию, Ломоносов обратил особое внимание именно на главу, посвященную волнениям стрельцов: «Вся сия глава о стрелецких бунтах не полна и весьма недостаточна, — писал он Вольтеру в пункте 26 «Примечаний». — Много неисправностей. К сочинению ее можете перевести приказать мой экстракт о стрелецких бунтах».¹⁷ Экстракт Ломоносова, переведенный на французский язык, был использован Вольтером при переработке рукописи своего труда, и в освещении событий, связанных с выступлением стрельцов, он следовал ломоносовскому тексту, порой повторяя его почти дословно.

Но Вольтер использовал не только материалы Ломоносова. Одним из основных источников сведений о России времени царствования Петра I и предшествовавшего столетия была для Вольтера вышедшая в Стокгольме в 1730 г. на немецком языке книга Ф.-И. Страленберга, посвященная географическому и историческому описанию России, под названием «Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien (...) in einer Historisch—Geographisch Beschreibung der alten und neueren Zeiten...». Книга сразу обратила на себя внимание образованных людей в России, и Татищев уже в середине 1730-х гг. откликнулся на нее обширными «Примечаниями». К 1738 г. при его участии были переведены под заглавием «Гисторическое и географическое описание о древнем и новом состоянии полуночно-восточной части Европы и Азии паче же Империи Российской...» 1—12 главы книги. Подобно Ломоносову, а точнее задолго до него, Татищев обращает также особое внимание в «Примечаниях» на описание Страленбергом событий, связанных с возмущением стрельцов: «Описует бунт стрелецкой, яко не довольно тоя истории сведущий. Понеже оное здесь неместительно, того ради желающий да читает обстоятельную о сем гисторию старца Селиверста Медведева и краткую графа Матфеева. И хотя они не одной, но противных стран были, и Матфеев более о себе вывести и красноречием оную украсить хотел, однако ж прилежному истинну видеть нетрудно, которому для изъяснения примечания зделать еше в памяти имущие люди сыскаться могут».¹⁸ Татищев фактически называет основные источники, из которых современники могли черпать сведения о данных событиях. Примечательна последняя реплика историка, отсылающая к еще живым свидетелям, сохранившим память о происшествиях тех лет. Остававшихся в рукописи «Примечаний» Сумароков, по-видимому, не читал. Но Татищев упоминает сочинения Медведева и Матвеева в «Предъизвещении» к своей «Истории Российской», первый том которой вышел из печати как раз в 1768 г.: «Сильвестр

¹⁷ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., Л., 1952. Т. 6. С. 94.

¹⁸ Татищев В. М. История Российская. М., Л., 1968. Т. 7. С. 426.

Медведев монах Чудова монастыря и граф Матфеев описали стрелецкой рокош 1682-го, токмо в сказаниях по страстям весьма несогласны, и более противны, потому что графа Матфеева отец в оном стрельцами убит, а Медведев сам тому рокошу участником и тайным с Милославским предводителем был, за что после с Шегловитым кажнен»¹⁹

К указанным Татищевым источникам, достаточно распространенным в XVIII в в рукописных списках, следует добавить известия, содержащиеся в публикациях, появившихся в европейской периодической печати, в частности донесение датского резидента Бутенанта фон Розенбуша «Relation der traurigen Tragedie in der Stadt Moscau», напечатанное в «Theatrum Europaeum» (Франкфурт-на-Майне, 1691 Т XII), которым пользовался Ломоносов, как уже отмечали комментаторы академического издания собрания его сочинений

Исходя из содержания сочинения Сумарокова, посвященного первому стрелецкому бунту, можно с уверенностью считать, что основным источником сведений об этом событии служила для него «Записка» Андрея Артамоновича Матвеева, сына растерзанного стрельцами в первый же день бунта боярина Вполне объяснимая пристрастность рассказа Матвеева, на которую указывает Татищев, по-видимому, мало смущала Сумарокова, ибо он подходит к освещению данного исторического эпизода не столько как историк, сколько как публицист. Это видно из сравнения его сочинения с содержанием упоминавшегося уже «экстракта» о стрелецких бунтах Ломоносова.

Несмотря на то что Ломоносов тоже активно использовал «Записки» А А Матвеева при составлении своего «экстракта», между его позицией в освещении событий и позицией Сумарокова наблюдается целый ряд принципиальных расхождений. Так, например, в объяснении причин восстания Сумароков, по существу, обходит молчанием постепенно накапливавшееся недовольство стрельцов, которым не платили жалованье и которых притесняли их полковники. Факт неправого наказания челобитчиков стрельцов, посланных с жалобой на своих начальников, Сумароков в отличие от Ломоносова (опиравшегося в данном случае на сведения, сообщаемые Сильвестром Медведевым) вообще не упоминает. Основную причину мятежа он видит в соперничестве родов Милославских и Нарышкиных, обусловленном двумя супружествами царя Алексея Михайловича «Сие сугубое супружество было причиною стрелецких бунтов»²⁰ — прямо резюмирует Сумароков в

¹⁹ Там же М, Л, 1962 Т 1 С 85 В XVIII веке и «Записка» А А Матвеева под названием «Описание бунта бывшего в 1682 г» (в двух редакциях), и «Описание бунта Сильвестра Медведева» были опубликованы Ф О Туманским в его «Собрании разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя Императора Петра Великого» (СПб, 1787 Ч 1 С 109—229, Ч 6 С 8—54, 54—84)

²⁰ Сумароков А П Полн собр всех соч М, 1781 Ч VI С 184

главе I своего сочинения. Главным же лицом, заинтересованным в мятеже, он считает жаждавшую власти царевну Софью.

Сумароков явно следует Матвееву, когда постоянно уподобляет стрельцов диким зверям, а движущей пружиной стрелецкого бунта объявляет интриги Милославских, их потакание низменным страстям «черни» — склонности стрельцов к пьянству, разбою, анархии: «Имя Нарышкиных у черни, особливо у стрельцов, было приведено ухищрением боярина Ивана Михайловича Милославского в ненависть; ибо всякое в народе огорчение, налоги, насилия, драки по улицам (...) все то Нарышкиным приписывалось (...) Все то было им вымышляемо, что хитрости человеческой при подлой душе свойственно. А потому что он имел дело с чернью, так и политика на самой простоте основанная была употребляема. Иная проповедь людям просвещенным, иная черни».²¹ Сумароков не скрывает подчеркнуто сословного подхода к оценке описываемых им событий, и в этом его позиция исторического повествователя также резко отличается от Ломоносовской.

Используя сведения относительно причин бунта, сообщаемые Медведевым, Ломоносов, однако, полностью самостоятелен в оценке движущих сил, определявших развитие событий; он в полной мере отдает себе отчет в особой заинтересованности в бунте царевны Софьи, опиравшейся в достижении своих честолюбивых целей на Милославских и Толстых. Но он стремится к максимальной полноте в раскрытии причин возмущения и предельной объективности в их оценках. Правда, при освещении всех перипетий стрелецких волнений он постоянно имеет в виду отстаивание одной, главной для него, идеи — утверждение изначального права Петра на занятие престола, и в описании некоторых обстоятельств, сопутствовавших началу и ходу бунта, сообщаемые им факты расходятся со свидетельствами других современников событий.

Сумароков, напротив, следуя в основном за рассказом Матвеева, вычленяет из его содержания те события, которые согласуются с его собственным, сложившимся а priori взглядом на них, подчас дополняя описание событий мельчайшими подробностями, отсутствовавшими в известиях как той, так и другой стороны. Так после сообщения о смерти царя Федора Алексеевича в «Записке» Матвеева следует описание приезда ко двору для защиты интересов законного наследника представителей знатнейших княжеских родов Голицыных и Долгоруких, причем все были «в панцирях, скрытых под платьем». Если Ломоносов опускает эти подробности, то Сумароков не только воспроизводит данный факт, но значительно расширяет список дворян, сохранивших верность сословному долгу. А излагая далее эпизод, когда при объявлении наследником Петра подстрекаемый партией Милославского и Софьи некий

---

²¹ Там же С 185—186

дворянин Сунбулов (в рассказе Матвеева он назван «Максим Исаев сын Суслов») прокричал о незаконности такого назначения, так как нарушено право старшинства, Сумароков дополняет сообщение рассказом о последовавшем раскаянии Сунбулова, пострижении его в монахи и случайной встрече его с уже императором Петром через много лет в церкви Чудова монастыря.

Передача исторических фактов у Сумарокова отличается необычайной эмоциональностью изложения, множеством авторских отступлений, обнаруживающих в рассказчике человека XVIII века. Так, например, рассказав о падении влияния Нарышкиных с восшествием на престол царя Федора Алексеевича, когда вдовствующая царица Наталья Кирилловна осталась без поддержки при дворе, в одиночестве, Сумароков дополняет рассказ комментарием: «Слово мода было тогда еще в России неизвестно, но действие онаго слова искони у нас было: все входило и выходило из моды; входили и выходили из моды и поклонны, тем же подобием, как и ныне. А когда в комнатах царицы Натальи Кирилловны прихожих было немного, так и Нарышкины без друзей остались».²²

Еще более отчетливо вторжение авторского голоса в историческое повествование проявляется в тех местах сочинения, где Сумароков описывает кровавые последствия буйства стрельцов. Так, рассказав со всеми подробностями эпизод расстреливания стрельцами начальника Стрелецкого приказа князя Михаила Юрьевича Долгорукого, Сумароков разражается бурной тирадой, в которой его сословные пристрастия обнажаются с предельной ясностью: «Вот начало кровопролития и первое превосходящего зверство жестокосердия исполнение. Прервала чернь узы свои; нет Монаршей власти; скипетр и законы бессильны; властвуют и повелевают рабы; сыны отечества молчат и повинуются. *Се мнимое естественное право, что все человеки равны! Благородные люди никогда толпами к варварскому действию не приступают. Рабам принадлежит раблепная покорность; сынам отечества попечение о государстве; Монарху власть; Истинне предписание законов. Вот основание общенародного российского благосостояния*».²³

В своих комментариях к описываемым событиям (практически почти отсутствующих в экстракте Ломоносова) Сумароков использует любую мелочь, чтобы подчеркнуть лишний раз не только свое отношение к прошлому, но и неразрывную связь его с настоящим

Постоянные отсылки Сумарокова к современности несут на себе черты скрытой полемики с неназываемыми в тексте оппонентами. Poleмические выпады буквально пронизывают

²² Там же С 187

²³ Там же С 204—205 (курсив здесь и далее мой — Ю С)

все повествование, превращая историческое сочинение в публицистическое эссе. Наиболее рельефно эта особенность труда Сумарокова проявляется в развернутых комментариях, которыми он сопровождает характеристику правления царя Федора Алексеевича. С личностью этого царя отечественная историографическая традиция связывала представления об идеале мудрого, гуманного и справедливого правителя, и Сумароков полностью разделяет эту позицию. Но показательно, как похвалы Федору Алексеевичу перерастают у него в гневные инвективы против неназываемых по имени современных подражателей европейским модам и против хулителей отечественного прошлого. Царь Федор Алексеевич, подводит итог Сумароков, «был хранитель правосудия, любитель наук, покровитель бедных, решитель перепутанных тяжб (...) искоренитель местничества, вместо заслуг отечеству почитающих бесполезное роду человеческого свое родословие, облегчитель народных тягостей и уменьшитель дороговизны».²⁴ Завершая перечисление заслуг царя указанием на его любовь к красноречию, в украшение которого «цветами, из российского языка рожденными», он внес личный вклад, Сумароков внезапно резко меняет тон, обращаясь к нравам современников: «...ибо тогда язык наш еще не был нашпикован ни немецкими, ни французскими словами, а россияня во дни ево не старались ни в немцов, ни во французов претвориться, но исправиться, просветиться и быти достойными подлинниками, а не слабыми, смещенными и колеблемыми соображениями чужестранцам, собственными своими гнушаяся почтенными качествами».²⁵ И ниже Сумароков, не сдерживая уже своего темперамента публициста-сатирика, гневно клеймит неназываемых авторов исторических сочинений, и русских и иностранных, утверждавших об отсталости и варварском состоянии России до вступления на трон Петра I: «*Бредят люди, проповедывающие то, что мы до времен Петра Великого варвары, или паче скоты были; предки наши были не хуже нас: а сей последний Царь в нашей древности (царь Федор Алексеевич. — Ю. С.) был достойный брат Петру Великому. И не было другого россиянам превращения, как вопят новомодные невежи, наслышавсья от чужестранных, которым они сами о себе такую подлость натолковали, кроме сея, что сии сумасбродныя толкователи, превращенны стали, ибо они из человеков ненапудренных действительно в напудренную превратилися скотину*».²⁶ И далее Сумароков возвращается к прерванному рассказу о последствиях смерти царя Федора Алексеевича.

---

²⁴ Там же С 189

²⁵ Там же

²⁶ Там же С 190

В приведенном фрагменте кроется ключ к пониманию полемического задания всего сумароковского сочинения в целом. Кто эти «новомодные невежи», наслышавшиеся от чужестранцев басен и глупостей о России, ими же самими сочиненными и сообщенными? Кто эти «сумасбродные толкователи» о «превращении» (т. е. «метаморфозисе») России, чудесно изменившем облик варварской страны? Сумароков ополчается фактически против общепринятых формул, в которых оценивались итоги петровских преобразований и которые буквально наполняли публицистику и оды XVIII в., не исключая прежние сочинения и его самого.

Для ответа на поставленные вопросы необходимо обратить внимание еще на некоторые аспекты содержания сумароковского сочинения. Я имею в виду прежде всего неоднократные апелляции Сумарокова по ходу повествования к римской истории. Уже в самом начале очерка сообщение о смерти Федора Алексеевича сопровождается введением реалий древнеримской истории: «...по услышании ево кончины была Москва в таком горестном состоянии, как Рим по смерти Титовой. Рыдала Москва и вся потом Россия омывалась слезами».²⁷

Вновь римский мотив возникает в авторском комментарии, сопровождающем рассказ о принятии присяги на верность Петру, когда часть стрельцов не согласилась с избранием юного царя: «...так кажется мне, что самая лучшая присяга есть любовь к отечеству и честность; потому что она присяга никогда не нарушается: тако клялся Катон и многия римляня в верности своему отечеству».²⁸ Пока уподобление отдельных событий фактам римской истории не содержит чего-либо обнаруживающего пристрастия автора, хотя второе сравнение уже заключает скрытое противопоставление, поскольку комментарий следует за фактом отказа от присяги части стрельцов. Но вот после описания нарастания анархии в рядах стрельцов, создавшей предпосылки для прямого бунта, полемическая установка использования подобных уподоблений обнаруживает себя со всей очевидностью. Отметив рост пьянства и своевольства стрельцов, Сумароков восклицает: «Вот какова была наша чернь ко стыду нашему! Римская чернь никогда против Рима не бунтовала, а московская против Москвы вооружалась, чего дворяня никогда не делали».²⁹

Показательно, что именно это место вызвало резкое возражение со стороны Ф. Эмина, который в Предисловии к III тому своей «Российской истории...» уличил Сумарокова в недостаточном знании римской истории. «Не часто же сей автор читывал римскую историю. А кто ее читал, тот знает, что подобных сему бунту римлян было множество. Оных я

²⁷ Там же С. 191

²⁸ Там же С. 192

²⁹ Там же С. 197

имянно для того здесь не упоминаю, что надобно бы по малой мере оными наполнить целый том».³⁰

Критические возражения у Эмина вызвали и другие места сумароковского сочинения. Закончивший к этому времени третий том задуманного им обширного исторического труда, Эмин, по-видимому, считал себя вправе делать замечания своему противнику, демонстрируя его некомпетентность в области исторических изысканий. Несомненно, он чувствовал себя уязвленным перед лицом тех нападков на «чернь», постоянно противопоставляемую дворянству как единственному оплоту отечества, которые встречались чуть ли не на каждой странице труда Сумарокова. «Мне то больше всего удивительно, — замечает в заключение своего критического примечания Эмин, — что автор сего сочинения, стыдась тогдашних бунтов, утверждает, что сего дворяне никогда не делали. Изрядное ж он и о российской истории имеет понятие. А разве Милославский, знатный тогда боярин, его помощники Толстые, Сумбулов, Озеров и прочие (...) что были начинщики стрелецкого заговора, не были дворяне?»³¹

Но следует помнить, что отсылки к римской истории составляют лишь часть общего полемического контекста, объектом которого выступали, по всей вероятности, именно историки и публицисты («сумасбродные толкователи» о «превращениях»), причем имевшие общение с иностранцами, которые писали о России времен Петра I. Под эту категорию потенциальных оппонентов Сумарокова в равной степени подпадают и Ломоносов, снабжавший Вольтера сведениями об истории России времен Петра I, подготовивший ему, как мы знаем, специальный экстракт о стрелецких бунтах, и Татищев, лично знавший Страленберга и в середине 1720-х годов побывавший в Швеции; во время пребывания там занимавшийся историческими разысканиями для своего будущего труда.³²

Именно в книге Страленберга в главе 6 «О государствовании императора Петра Великого», представлявшей особый интерес для Вольтера, содержались утверждения, что до времени правления Петра «Россия даже до сего веку почиталась за варварской, языческой и татаром подобной народ и что оной ни к чему не способен».³³ Подобная оценка частично перешла в сочинение Вольтера. Кстати, у Страленберга, по-видимому, не бывавший в России Вольтер заимствовал известие о водобоязни Петра в раннем детстве, на что также счел необходи-

---

³⁰ Эмин Ф. А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей. СПб., 1769. Т. III. С. XVI.

³¹ Там же. С. XVII—XVIII.

³² О научных связях Татищева со шведскими историками подробно пишет А. И. Андреев в статье «Труды В. Н. Татищева по истории России» (*Татищев В. Н. История Российская*. М., Л., 1962. Т. I. С. 7—10).

³³ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М., Л., 1985. Ч. 1. С. 108.

мым отреагировать Ломоносов дополнительными разъяснениями в «Примечаниях» на вольтеровскую рукопись.

Если учесть, что во «Вступлении» к опубликованной в 1766 г. «Древней российской истории» Ломоносов высказывает мысль о «некотором общем подобии в порядке деяний российских с римскими», сопровождая этот тезис развернутым сравнением стадиальности развития российской государственности с теми этапами, которые переживал Древний Рим, то язвительные экскурсы Сумарокова в древнеримскую историю по ходу рассказа о стрелецких бунтах находят свое объяснение. Впрочем, апелляции к историко-культурному наследию Древнего Рима, ссылки на Цицерона, Эпикура при обсуждении проблем российской истории неоднократно встречались в известном трактате Татищева «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», написанном в 1733 г. и распространенном в списках. Там, кстати, шла речь и о естественном праве как регуляторе человеческих отношений на внесловном уровне (Вопрос 98), на которое с яростью ополчается Сумароков, повествуя о бунте.

Для приближения к ответу на вопрос об объектах всех этих полемических выпадов Сумарокова существенно рассмотреть другое его сочинение, посвященное продолжению описанных в первом очерке событий и содержащее дополнительные детали относительно стимулов его обращения к данной теме. Я имею в виду оставшийся незавершенным очерк «Второй стрелецкий бунт». Как уже было отмечено, впервые он был напечатан в 1781 г. Н. И. Новиковым в томе X «Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе...» А. П. Сумарокова.

Сумароков подобно Ломоносову видит прямую связь между причинами первого и второго бунтов. Но, так же как и при описании первого бунта, он несколько отступает от порядка освещения событий, какой имел место у Ломоносова. Последней, опираясь на известия, сообщаемые Крекшиным и Матвеевым, связывает второй бунт с выступлениями раскольников во главе с попом-расстригой Никитой Пустосвятом и стоявшими за ними князьями Хованскими. Основную заслугу в подавлении этого бунта Ломоносов относит на счет решительности юного Петра, проявленной в самый критический момент.

Сумароков начинает рассказ с описания последствий первого бунта — установления на Красной площади стрельцами столбов с указанием на них вины убитых во время мятежа бояр, ссылки и пострижения в монахи Кирилло-Белозерского монастыря Кирилла Полуектовича Нарышкина, отца вдовствовавшей царицы, спасения десятилетнего Андрея Матвеева. Но, прежде чем перейти к основным событиям второго бунта, он излагает эпизод, отсутствовавший во всех названных выше источниках и на первый взгляд с бунтом прямо не связанный. Эпизод относился ко времени начала правления Федора Алексеевича и последовавшего вскоре удаления от двора Нарыш-

киных. Сумароков рассказывает историю своего двоюродного деда, комнатного стольника Ивана Богданова сына Сумарокова, прозванного «Орлом» за спасение на охоте царя Алексея Михайловича от медведя. Этот человек стал жертвой доноса «некоего Давыда лекаря царицына», обвинившего Орла в сговоре с Нарышкиными, намеревавшимися якобы убить только что вступившего на престол Федора Алексеевича. «Сия небылица, — замечает Сумароков, — вымышлена на прошедшее время и сказана в настоящее».³⁴ В целях восстановления истины он и включает этот эпизод в свой рассказ Царевна Софья сразу после смерти своего брата вспомнила о доносе и, чтобы расправиться с Нарышкиными, велела попытать Ивана Михайловича Сумарокова, требуя от него подтвердить его справедливость. За это она ему обещала 1000 дворов крестьян, боярство, Вятское наместничество и воеводство. Но тот не согласился подтвердить клевету и умер от пыток Сумароков в своем рассказе даже указывает место, где был погребен его двоюродный дед: «...в Белом городе между Мясницкою и Покровкою у Николы Столпа, где прежде высокая коланчя для усмотрения татарских набегов».³⁵

Ни Ломоносов, ни Матвеев, ни Медведев об этом эпизоде не упоминают. Но зато он содержался в записке Татищева о царствовании Федора Алексеевича среди подготовительных материалов и набросков к его «Истории Российской» под названием «Жизнь царя Федора Алексеевича, описанная г. Татищевым вкратце». Татищев не отрицает, что речь идет о доносе, подстроенном благодаря проискам Милославского. Но, согласно его рассказу, доносчик (имя его Татищевым не названо) «извещал, якобы Нарышкин Иван Кириллович знакомцу своему Самарокову (которому прозвание было Орел) говорил: „Ты де орел, да не промышлен, а есть ныне молодой орленок, надобно бы его подщипать“. И оной Самароков якобы сказал: „Если де его не избыть, то де вам пропадать“. И притом якобы оной Самароков обещался нечто противо государя предпринять. По которому извету немедленно Нарышкины, Матфеев и Самароков взяты под караул. И хотя Самароков так жестоко пытан, что в застенке, ни в чем не винась, умер, однако ж Нарышкин и Матфеев по разным дальним местам всылки разосланы...»³⁶

Рукопись «записки» Татищева была в 1760-е гг. в распоряжении Миллера, сохранившись в составе его «портфелей» (РГАДА, № 53), и Сумароков при жизни Миллера вполне мог ее читать. В рассказе Татищева, как мы видим, отсутствует

³⁴ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. VI. С. 226

³⁵ Там же. С. 227

³⁶ Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 178. На наличие некоторых ошибок в сообщаемых Татищевым сведениях о связи ссылки Матвеева с доносом на Сумарокова указывал Е. Замысловский в своем исследовании «Царствование Федора Алексеевича» (СПб., 1871. Ч. 1. С. 05).

целый ряд очень существенных деталей об этом деле, а трактовке поведения двоюродного деда писателя в чем-то придает-ся двусмысленный характер. Татищев ничего не говорит о заслугах предка Сумарокова, изображая его просто «знакомцем Нарышкиных». Согласно его версии, доносчик сообщает о готовности Сумарокова «нечто противу государя предприть». Наконец, у Татищева ни словом не упоминается Софья, и соответственно мужество и бескорыстная верность предка Сумарокова законному государю также в рассказе предстают затушеванными.

Можно понять уязвленность чувств Сумарокова и его желание восстановить справедливость. В своем рассказе он, по всей вероятности, основывался на семейных преданиях, и главной его заботой было отстаивать честь рода. И это, по-видимому, явилось также одним из стимулов обращения его к историческим событиям конца XVIII века.

Таким образом, включение в повествование о бунтах стрельцов означенного эпизода опять-таки объясняется, на наш взгляд, полемическим заданием. Сумарокову прежде всего было важно отвести всякие подозрения о возможности участия какого-либо представителя его рода в злоумышленных заговорах против царствующих особ. Здесь находит свое объяснение резко выраженное противопоставление в его очерках интересов «сынов отечества», т. е. дворян, интересам «черни».

Несдержанный; импульсивный Сумароков в изложении событий, связанных со стрелецкими бунтами, по-видимому, видел свою главную задачу в том, чтобы изложить собственную версию происходившего. Кое в чем он вполне закономерно следовал источникам, которые невольно оказывались общими. Но в ряде моментов его взгляд на события расходился с оценками предшественников. И объектами полемики могли быть и труды Ломоносова, и труды Татищева, и сочинения иностранных историков, в частности Страленберга.

О том, что труд Страленберга в качестве объекта полемики мог находиться в поле зрения Сумарокова, свидетельствует, на наш взгляд, его небольшая заметка-эссе «О происхождении слова Царь». Первые же фразы заметки обнаруживают ее полемическую направленность: «Не сказали мы еще европейцам от чего слово Царь происходит; ибо и у нас немногие это знают. Думают европейцы, что это слово испорчено, вместо Цесарь выговаривается, и будто оно значит Короля».³⁷ Сумароков не называет имена думающих так «европейцев», но знакомство с книгой Страленберга помогает уловить источник подобного мнения Глава 7 труда Страленберга прямо называется «Разность в титуле царя и великого князя и о гербе российском», и в ней мы находим и уподобление этого титула званию «короля» и сближение данного слова с именем «цеса-

³⁷ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. X. С. 158

ря». «Титул царя в славенском языке прежде значит, что в немецком языке кениг „король”, приемлется же в разуме (т. е. в смысле. — Ю. С.) императора, ибо в старинных духовных и светских книгах все короли царями именуются, как то в славенской Библии прежде 700 лет з греческого языка переведено задолго до того, как великие князья российской титул царской употребили».³⁸ По мысли Сумарокова, для европейских историков своим происхождением слово «царь» обязано испорченным произношением слова «цесарь», знаменовавшим того же короля. В чем-то объяснения Страленберга приближаются к подобному толкованию, когда он со ссылкой на употребление в славянской Библии слова цесарь приходит к заключению, «что Цесарь еже у немцев Kayser, у славян было имя собственное, к фамилиям точию (или вместо прозвания) употребляемое».³⁹ Именно с подобной позицией и полемизирует в своей заметке Сумароков, когда безапелляционно заявляет: «Сие слово (царь. — Ю. С.) не знаменует ни Цесаря, ни Короля, но Монарха. А происходит оно от слова отец, из которого сделано слово Отцарь»⁴⁰ Так несколько наивно, но зато в полном соответствии с представлениями Сумарокова о факторах, определяющих исторические предпосылки политических форм власти в России, устанавливается этимология слова «царь». Сумароков и здесь остается верен своей позиции подменять реальное осмысление исторических фактов заключением в них собственного представления об их сущности с точки зрения той сословно выдержанной идеологической доктрины, выразителем которой он неизменно выступал.

Мы уже заметили выше об особой актуальности для Сумарокова-историка московской темы. В переписке его 1760-х гг. эта тема звучит постоянно. Еще до переезда в Москву, куда он окончательно переселяется весной 1769 г., в начальных строках своего письма к графу Г. Г. Орлову от 25 января 1769 г. Сумароков признается, что ему дорога прежняя столица: «Намерен я по силе увольнения моего от должностей отселе переселиться в Москву, яко в отечество российского дворянства...»⁴¹ Он ссылается на материальные трудности своего житья в Петербурге. Кроме того, он видит в Москве своеобразный символ дворянской независимости; здесь ему живется «всегда здоровее». Об особом пристрастии ко всему, что касается Москвы и ее истории, свидетельствует и другое письмо Сумарокова, адресованное к Г.-Ф. Миллеру, от 21 марта 1771 г., в котором он извещал историографа о посылке ему своей новой трагедии «Димитрий Самозванец»: «Я приемлю смелость послати к вам новосочиненную мою траге-

³⁸ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга Ч 1 С. 167

³⁹ Там же

⁴⁰ Сумароков А П Полн собр всех соч Ч X С 158

⁴¹ Письма русских писателей XVIII века Л, 1980 С 115

дию, а особливо ради того, что оныя содержание взято из московской истории»⁴²

В свете подобных настроений становится понятным возврат Сумарокова в начале 1770-х гг к теме своей первой исторической статьи, посвященной созданию Москвы Теперь в переработанном и несколько сокращенном виде он публикует ее под названием «Краткая Московская летопись» (СПб, 1774), дополнив основной текст родословным списком всех московских князей и царей с XIV по конец XVII в и отдельной «Таблицей о супругах Московских государей» Кроме того, в конце исторического очерка, предваряющего родословные списки, Сумароков помещает любопытный фрагмент, представляющий собой опыт исследования топонимики Москвы Центральное место в нем занимают рассуждения, касающиеся этимологии названия прежней столицы Сумароков высказывает весьма оригинальную версию происхождения слова «Москва», связывая его с имевшимися в данном месте течения реки «мостками»: «а Москва река прежде называлася Смородиною, но протекая чрез дорогу Смоленскую, как и протчия московские воды, имела мостки, как и те реки, где ломались оси, колеса и дроги, ради чего при мостке чрез Неглинную поселилися и кузнецы, отчего и поныне мост через ту реку называется Кузнецким мостом От сих мостков главная река получила наименование а от реки и город»⁴³

На чем основываются подобные домыслы Сумарокова, сказать трудно Скорее всего, они принадлежат ему самому, как это уже имело место в его этимологических разысканиях по поводу слова «царь» Но несомненно, на наш взгляд, что инициатива Сумарокова, дополнившего прежний текст отмеченным фрагментом, имела, как всегда, полемическую направленность

В «Примечаниях» В Н Татищева ко второй книге его «Истории российской» (вышла в свет в 1773 г) вопросу о происхождении названия Москвы было уделено особое внимание Обозначив со ссылкой на рукопись Никоновского летописного свода и на Хронограф срок заложения Москвы 1151 годом, Татищев излагает далее ряд версий, касающихся этимологии ее названия, приводя в заключение и собственное мнение: «Иные же строение ея (Москвы — Ю С) хотя весьма старее сказуют, производя имя ея от Мосоха, чему неколико и Стрыковский, о имени руском пиша, согласует, но без доказательства Другие имя производят от бывшей деревни Мскотовы, которому видятя те причиною, что писали особно о убиении Кучковичами Андрея Боголюбского и о строении Москвы Данилом Александровичем, не справясь с историями, басню сложили Имя же Москва есть сарматское, значит крутящаяся

⁴² Там же С 145

⁴³ Сумароков А П Полн собр всех соч Ч VI С 166

или искривленная, мню, от того, что течением весьма излучины делает, да и внутри Москвы оных не скудно Страленберг имя сие производит от деревни, прежде бывшей, Москвы; но сие видится, вымышлено теми, кто сложил басню о убиении Андрея Боголюбского Кучковичами и о построении Москвы Данилом Александровичем, не справясь с историею, потому что при прадеде Даниилове, Всеволоде III, Москва уже была. Что же Стрыковский и другие от Мосоха внука Афетова, производят, о том достаточно выше в главе 30 показано». ⁴⁴

Как видим, в поле зрения Татищева находились источники самого различного происхождения, не исключая и иностранных историков. С точкой зрения польских хронистов (Стрыковского и Кромера) Татищев полемизировал еще ранее, в 1730-е годы, когда работа над главным трудом его жизни еще не начиналась. Вопрос о происхождении имени Москвы рассматривался им в «Примечаниях» на сочинение Страленберга, о которых выше уже шла речь, в свете предпринятого по его инициативе перевода этого труда на русский язык в 1736—1737 гг. ⁴⁵

Имевший возможность прочесть еще ранее труд Страленберга, знакомый с сочинениями польских историков, наконец, узнавший из только что вышедшего тома «Истории российской» самого Татищева его объяснение происхождения имени прежней столицы, близко принимавший к сердцу все, что касается Москвы, Сумароков также решил внести свой вклад в решение спорного вопроса. Таково, по-видимому, наиболее вероятное объяснение приведенного выше фрагмента, включенного в текст «Краткой Московской летописи».

Мы затронули далеко не все аспекты темы, обозначенной в названии статьи. Целый ряд вопросов, связанных с историческими разысканиями Сумарокова, продолжают оставаться открытыми. Но и тот предварительный обзор материалов, касающихся обозначенной сферы его интересов, какой был проделан в пределах настоящей статьи, позволяет сделать определенные выводы о значении деятельности Сумарокова как исследователя истории.

На всех исторических трудах Сумарокова лежит неизгладимая печать его личности. И в отборе исследуемого материала, и в характере обработки источников, и в манере изложения исторических фактов он остается человеком своего времени. Занятия историей были для него в сущности своеобразным продолжением творческой деятельности. И вопросы, ответы на которые он искал в истории, были подсказаны современностью. В этом Сумароков-историк разделял участь практически всех российских историков XVIII века.

---

⁴⁴ Татищев В. Н. История российская. М., Л., 1963. Т. 2. С. 270—271.

⁴⁵ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М., Л., 1986. Ч. 2. С. 245—247.